

Еремкин Никита Вячеславович

аспирант

ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический

университет им. М.Е. Евсеева»

г. Саранск, Республика Мордовия

DOI 10.31483/r-153341

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ КАК УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА

Аннотация: в эпоху глобализации и информационных войн проблема сохранения идентичности и независимого мышления обретает новое звучание. Центральным тезисом статьи является утверждение о том, что историко-культурная память выступает не просто фоном, а необходимым условием и питательной средой формирования мировоззренческого суверенитета. Данная статья исследует онтологию мировоззренческого суверенитета в качестве способности общества и личности к самоопределению на основе собственной системы культурных ценностей и исторических смыслов. В работе анализируются механизмы передачи элементов исторической памяти в эпоху вызовов цифрового постмодерна.

Ключевые слова: историко-культурная память, мировоззренческий суверенитет, идентичность, общество, самоопределение.

Классическое понятие суверенитета, восходящее к Жану Бодену и Томасу Гоббсу, традиционно связывалось с верховенством государственной власти на определенной территории и ее независимостью во внешней политике [2; 3]. XX и особенно XXI век показали, что в условиях глобальной информационной и культурной экспансии одних лишь политico-правовых механизмов недостаточно. На смену прямым колониальным захватам пришли более изощренные формы влияния: смысловые, нарративные, ценностные.

Возникает потребность в новом понятии – мировоззренческий (или смысловой или историко-культурный) суверенитет. В нашем понимании это способ-

ность общества, культуры и отдельной личности продуцировать, отбирать и интерпретировать смыслы, опираясь на собственные духовные ценности и интеллектуально-культурные традиции общества, а не быть пассивным реципиентом внешних идеологических конструктов. Данный концепт предполагает суверенитет над нарративами, символами, героями и антигероями, над ответами на ключевые вопросы: «Кто мы?», «Откуда мы пришли?», «Что для нас добро и зло?», «Куда мы идем?».

Фундаментом для ответов на эти вопросы служит историко-культурная память. По мнению ряда исследователей, она представляет собой не просто архив фактов, а живой, непрерывно переосмыслиемый диалог прошлого с настоящим, механизм самопознания и самосовершенствования коллектива [4–6; 8].

В отличие от академической истории, стремящейся к объективности и критическому анализу источников, историко-культурная память (термин, активно разрабатываемый М. Хальбваксом, П. Нора, Я. Ассманом) [1; 7; 9] носит ценностно-избирательный характер. В данном контексте память сохраняет не все события, а те, которые воспринимаются как смыслообразующие, «узловые» точки коллективной судьбы. Победы и поражения, периоды расцвета и «смутных времен», фигуры основателей, мучеников, спасителей – все это образует поле символической географии нации.

Согласно Я. Ассману, память выполняет ряд функций. Например, *когнитивная* функция включает в себя хранение и передачу знаний о прошлом. *Нормативная* функция предполагает легитимацию социального порядка и моральных норм через обращение к прошлому («как завещали предки»). *Конститутивная* функция подразумевает формирование групповой идентичности. Память о совместно пережитом (даже если это «переживание» опосредовано через культуру) создает «воображаемое сообщество». *Рефлексивная* функция представляет собой способность к самокритике и работе над травмами прошлого [1].

Таким образом, историко-культурная память – это символический каркас идентичности. Она предоставляет обществу язык для самовыражения, набор

сюжетов для осмысления настоящего и проектирования будущего. Без этого каркаса мировоззрение становится эклектичным, ситуативным и легко манипулируемым извне.

Мировоззренческий суверенитет – это производная от зрелости историко-культурной памяти. На наш взгляд, его можно описать через несколько структурных уровней:

– аксиологический (ценностный) уровень. Наличие устоявшегося, но не застывшего «ядра» ценностной системы. Это не догматический свод правил, а живая традиция, прошедшая проверку временем и кризисами. Например, для одной культуры на первом месте может стоять идея соборности и коллективного спасения, для другой – индивидуальной свободы и личного успеха. Суверенитет проявляется в способности защищать это ядро от разрушения, не отрицая при необходимости его эволюции;

– нарративный (смысловой) уровень. Способность генерировать собственные большие и малые нарративы, которые объясняют мир и место общества в нем. Это истории о происхождении, миссии, испытаниях и будущем. Мировоззренческий суверенитет утрачивается, когда общество начинает заимствовать и тиражировать чужие сюжеты, примеряя на себя роли, написанные в иной культурной логике (например, механическое копирование чужих моделей прогресса или трактовок прав человека без культурной адаптации);

– интерпретационный уровень. Право на собственную герменевтику – на свое прочтение как собственных текстов и событий, так и глобальных процессов. Это вопрос смыслового суверенитета над фактами. Один и тот же факт (например, географическое открытие, революция, экономический кризис) может быть встроен в разные смысловые цепи: как «торжество прогресса» или как «трагедия колонизации». Суверенное общество контролирует интерпретационный ключ;

– темпоральный (временной) уровень. Способность определять свое отношение ко времени. Это включает в себя ритм жизни, баланс между традицией и инновацией, способность к долгосрочному планированию, основанному не на

глобальных трендах, а на собственных представлениях о желаемом будущем, вытекающем из прошлого.

Угроза суверенитету возникает тогда, когда разрывается связь времен, когда память фрагментируется, приватизируется или становится объектом внешней агрессии.

Сегодня историко-культурная память и вытекающий из нее мировоззренческий суверенитет сталкиваются с беспрецедентными вызовами. Во-первых, следует обратить особое внимание на *цифровую фрагментацию памяти*. Алгоритмы соцсетей создают «пузыри фильтров», где каждый потребляет индивидуальную, персонализированную версию реальности и прошлого. Исчезает единое коммеморативное пространство, общая для всех «координатная сетка» истории. Память атомизируется. Еще одной важной проблемой является *культура отмены и презентизма*. Это означает, что жесткое суждение о прошлом с точки зрения современных этических норм ведет к иконоборчеству – механическому стиранию сложных исторических фигур из публичного пространства. Это не рефлексия, а упрощение, лишающее нас возможности понять диалектику эпохи. Презентизм (рассмотрение всех эпох через призму сегодняшнего дня) обрубает корни, лишая прошлое его инаковости и, следовательно, возможности диалога с ним. Следующей проблемой являются *глобальные мнемонические войны*. Прошлое становится полем битвы гибридных конфликтов. Цель – не просто навязать свою интерпретацию, а подорвать саму способность оппонента к согласованному воспоминанию, посеяв хаос и недоверие к собственным институтам памяти (архивам, академической науке, системе образования). Атаке подвергается нарративный уровень суверенитета. Также существенной проблемой выступает *кризис традиционных институтов передачи памяти*. Семья, школа, университет, национальная литература и кинематограф теряют монополию на формирование нарративов. Их место занимают глобальные потоковые платформы, производящие контент, часто десакрализующий локальные истории или упаковывающий их в универсальные культурные коды, что напрямую атакует аксиологический и интерпретационный уровни.

Борьба за историко-культурную память – это борьба за право на собственное смысловое пространство, за право быть не объектом чужих нарративов, а автором своей истории. Формирование и защита мировоззренческого суверенитета требуют комплексных усилий на разных уровнях. В эпоху, когда войны начинаются в символическом поле и носят гибридную форму, это условие не просто развития, а выживания культурной идентичности как таковой. Мировоззренческий суверенитет – это высшая форма культурной субъектности на векторе истории, делающая общество не сырьем для глобальных процессов, а полноправным творцом полифонии смыслов в мировой истории.

Список литературы

1. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.
2. Боден Ж. Шесть книг о государстве / Ж. Боден // Антология правовой мысли. В 5 т. Т. 2. Европа. V–XVII вв. – М.: Мысль, 1999. – 829 с.
3. Гоббс Т. Сочинения / Т. Гоббс. – В 2 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1991. – 731 с.
4. Гончарова А.В. Историко-культурная память как условие сохранения национальной идентичности / А.В. Гончарова // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. – 2022. – Т. 8. №1. – С. 134–141. – DOI: 10.18413/2408-932X-20228-1-0-13. EDN JQOMOW
5. Гулевская Н.А. Историческая память как фактор формирования идентичности/ Н.А. Гулевская, А.Н. Гулевский, Д.В. Чайченко // Философия права. – 2019. – №2 (89). – С. 137–145. – EDN TJLTXG.
6. Моисеенко О.А. Роль исторической памяти в формировании гражданской идентичности современной России / О.А. Моисеенко // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). – 2022. – №4. – С. 31–46. – EDN XLJMBL.
7. Нора П. Проблематика мест памяти / П. Нора // Франция-память. – СПб: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1999. – С. 17–50.

8. Положенцева И.В. Феномен исторической памяти и актуализация личной исторической памяти студентов / И.В. Положенцева, Т.Л. Кащенко // Власть. – 2014. – №12. – С. 42–46. – EDN TGKTEL.

9. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память / М. Хальбвакс // Неприкосновенный запас. – 2005. – №2–3.